

А. В. Малинов

**ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ Н.С. ТИМАШЕВА**

Начало самостоятельной научной деятельности Николая Сергеевича Тимашева (1886–1970) относится ко второму десятилетию XX в. В это время его научный интерес концентрировался вокруг нескольких проблем. Прежде всего следует назвать его магистерскую диссертацию «Условное осуждение», защищенную в ноябре 1914 г. в Петроградском университете и опубликованную отдельным изданием в следующем году. Докторская диссертация Тимашева «Преступное возбуждение масс», в которой была дана правовая оценка подрывной деятельности, состоящая из 2-х томов и подготовленная к печати в 1916 г. так и не была опубликована. Ее рукопись была уничтожена большевиками. Сохранилась статья ученого «Преступное возбуждение масс по действующему русскому праву», связанная с работой над диссертацией, опубликованная в «Журнале министерства юстиции» за декабрь 1914 г. и вышедшая отдельной брошюрой в Петрограде в 1915 г.

В эти же годы Тимашевым был написан ряд статей, посвященных правовому анализу преступлений против религии: «Основания наказуемости религиозных преступлений» (опубликована в 1915 г. в журнале «Право») и «Религиозные преступления по действующему русскому праву» (опубликована в январской и декабрьской книгах «Журнала министерства юстиции» за 1916 г., имеется отдельное издание). Стоит упомянуть также брошюру «Юридическая природа уголовной ответственности соучастников», вышедшую в Петрограде в 1916 г.

Преподавательская деятельность Тимашева, связанная с Петроградским университетом и Политехническим институтом, была сосредоточена на проблемах теории и социологии права. Курс лекций по социологии права был подготовлен к печати, но так и не вышел. Его рукопись также не сохранилась. В 1939 г. в США русский ученый воспроизвел содержание своего курса и опубликовал

его на английском языке под названием «Введение в социологию права»¹.

В работах Тимашева 1910-х годов не только анализировался юридический материал, но и формировались подходы, воплотившиеся позднее в его социологической концепции. И.Шойре, подытоживая взгляды своего учителя, указывал на следующие основные положения социологии Тимашева:

«1. Общество и социальные системы суть системы самоопределяющиеся с точки зрения их культурного и персонального элементов.

2. Каждый из них, в своей мере, способен изменяться. Это изменение не определяется внешними факторами, но переменами внутренними, присущими культурному и персональному элементам.

3. Социальные структуры и их движущие силы должны быть наблюдаемы, как человеческие процессы, а не только как биологические или механические процессы. Эти процессы подлежат научному исследованию именно потому, что они являются человеческими»². В оценке Шойре взглядов Тимашева можно констатировать имманентное понимание общества, развивающегося исходя из собственных внутренних побуждений, определяющего самого себя и свои действия. Внешние изменения являются результатом деятельности внутренних сил, а условием познаваемости социальной системы служит то, что она есть человеческое произведение, наше творение.

Эти представления Тимашева складывались постепенно, в том числе и под влиянием его исследований 1910-х годов. Наиболее крупное из них – «Условное осуждение». В нем русский ученый помимо чисто научных целей раскрытия юридической природы института условного осуждения ставил и вполне практическую задачу: показать необходимость и неизбежность введения условного осуждения в России. По его мнению утверждение условного осуждения представляет собой результат объективного развития правосознания. «Итак, – писал Тимашев, – восприятие условного осуждения не есть явление, характеризующее развитие той или другой правовой системы; это есть явление, стоящее выше национального развития, явление типичное для эволюции человечества, как целого. *Включение в положительное законодательство института условного осуждения принадлежит к числу объективных тенденций развития современного уголовного права*»³. Применение условного осуждения оправдано на практике и, по словам Тимашева, соответствует нашему народному самосознанию «и мирозерцанию большинства культурных

элементов нашего общества»⁴. Введение этого института в России означало бы отход от исключительно репрессивного права к праву, учитывающему интересы общества.

Необходимость усиления «социальных тенденций» в праве особенно подчеркивалась Тимашевым. Институт условного осуждения в этом плане крайне показателен. Он является отражением развития в юриспруденции «социальных тенденций», т.е. стремления действовать не в интересах государства, а в интересах общества. Наряду с этим, другим источником условного осуждения выступают практика «стран англо-американской культуры» и распространение позитивизма в науке о праве, т.е. устранение метафизических рассуждений и ориентация на методы естествознания, а также связанный с ними метод массового наблюдения или статистики. К этому следует также добавить произошедшую в XIX столетии смену политических идеалов XVIII в. идеалами социальными⁵.

Согласно Тимашеву, институт условного осуждения зародился в середине XIX в. в обычном праве Англии и некоторых штатов Северо-Американского союза. Ученый особенно подчеркивал естественность, органичность этого процесса: «условное осуждение возникает не путем веления законодателя, в котором всегда может найти отражение чисто субъективная мысль влиятельной личности, а путем естественного саморазвития обычного права»⁶. Исторически сложились четыре формы условного осуждения: англо-американская, франко-бельгийская, германская, австралийская или смешанная⁷. Тимашев специально отмечал англо-американскую форму условного осуждения, так как в ней решающее значение отводится психологической компоненте, реализующейся в практике мировой поруки и попечительного надзора. Психологическая установка является в условном осуждении дополнительной мерой, направленной «на создание в психике преступника особых стимулов, задерживающих дальнейшее движение его по преступному пути»⁸. Психологическая сторона выступала для Тимашева одной из наиболее существенных в праве вообще.

Основная задача исследования условного осуждения состояла в том, чтобы показать «общий всем культурным странам процесс восприятия условного осуждения»⁹ и внутреннее развитие этого института. Но в начале Тимашев дал определение условного осуждения, сформулировал его признаки, указал целесообразность и область его применения.

Дедуктивное определение условного осуждения выглядит следующим образом: «Условное осуждение есть погасительная приостановка карательной деятельности государства»¹⁰. Его признаками, соответственно, являются: «1) наличие приобретенного государством карательного права; 2) приостановка осуществления его; 3) погасительный характер этой установки»¹¹. Целесообразность условного осуждения обосновывается стремлением создать наиболее эффективный карательный механизм и выражается в идее этого института, которая «есть идея отказа от применения приобретенного государством карательного права там, где общие цели репрессии достигаются лучше всего помимо репрессии, с тем, чтобы при этом воспользоваться своеобразным мотивирующим значением факта наличия у государства могущего быть ежеминутно примененным права на наказание. Идея поистине достойная изумления по своей простоте и в то же время глубине!»¹² Областью применения условного осуждения являются «маловажные правонарушения случайных преступников, т.е. лиц, в жизни которых совершенное преступление представляется фактом случайным и, судя по характеру и предшествовавшему поведению виновника, не долженствующим повториться»¹³. Из этих определений в ходе исследования прояснялась и задача условного осуждения. «Задача условного осуждения, – писал Тимашев, – лежит в области специальной превенции – она состоит в предупреждении рецидива со стороны некрупного преступника»¹⁴. Главный положительный эффект и цель условного осуждения состоят в формировании в психике преступника задерживающего представления, что соответствует и цели наказания.

Ход исследования Тимашевым института условного осуждения после уяснения основных определений сводился к историческому обзору введения условного осуждения, что позволило раскрыть объем понятия условного осуждения, а затем перейти к анализу его правовой природы, способствующей отысканию формально-юридической сущности условного осуждения.

«Юридическая природа» изъясняется через определенную сферу отношений и институтов, выражающих эти отношения. В институтах фиксируются статические и динамические элементы отношений. «Действительно, – утверждал ученый, – раскрыть юридическую природу какого-нибудь института – значит указать то юридическое отношение, к сфере которого он принадлежит, и то

место, которое он занимает в этой последней. В самом деле, всякий юридический институт определяет собою или один из элементов статики какого-нибудь юридического отношения (субъект или объект), или один из элементов его динамики, т.е. может быть сведен к установлению, развитию (движению), изменению, прекращению или охранению того или иного юридического отношения. Институт, не имеющий значения ни в одном из указанных направлений, был бы лишен всякой юридической цели и следовательно всякого смысла. С исключением его из системы права это последнее фактически оказалось бы неизменным»¹⁵. Условное осуждение — это институт, сущность которого состоит в приостановке карательной деятельности государства и в возможности отпадения уже приобретенного государством карательного права. С точки зрения Тимашева, *«сущностью этого института является превращение приобретенного государством карательного права из абсолютного в суспенсивно-условное. Мы показали, что основной материально-правовой эффект условного осуждения, отпадение наказания при благоприятном истечении наказания, представляется логическим последствием названного превращения...»*¹⁶

Дальнейшее исследование института условного осуждения от определения природы тех правоотношений, выражением которых является данный институт, переходит к уяснению его уголовно-политической ценности. Но предварительно следует выяснить сущность и цель наказания вообще. Право наказания или карательная деятельность принадлежит государству и отвечает условию целесообразности, устанавливаемому государством. *«Каждая государственная деятельность, — полагал Тимашев, — должна быть сознательно направлена к определенной цели и при том цели, достижение которой соответствует общественным интересам. Государство не призвано к осуществлению идеальных целей, и еще менее к деятельности бесцельной. Деятельность, только в самой себе носящая оправдание, деятельность самоцельная, бесспорно чужда государству»*.¹⁷ Цель карательной деятельности сводится к поддержанию правопорядка. Так вырисовывается целесообразность наказания как средства борьбы с нарушением правопорядка. Тимашев писал: *«Правопорядок нарушается преступлением, которое таким образом является социальным злом. Наказание и есть социальное средство против социального зла»*¹⁸. Поддержание правопорядка достигается через наказание преступника и имеет результат или в самом подвергнутом наказанию,

или в окружающей массе народа. Важно подчеркнуть психологический эффект наказания. «Общепредупредительная функция наказания основана на психологическом явлении ассоциации идей», – полагал русский правовед¹⁹. Наказание стремится вызвать отвращение (провоцируемое порицанием) к преступлению и усилить убеждение в ценности правовых благ. Такое значение наказания основывается на принципе возмездия.

Тимашев давал следующее определение возмездия: «Возмездием мы называем воспоследование за поступком, представляющим положительным или отрицательным с точки зрения какой-либо системы норм, такой судьбы для совершившего поступок, которая является эквивалентом внутреннего достоинства поступка»²⁰. С психологической стороны осознанию наступившего возмездия соответствует удовольствие. Возмездие снимает или «уравнивает» неудовлетворенное чувство психологического несоответствия. «Потребность возмездия, – по его мнению, – есть потребность уравнения»²¹. Возмездие есть нечто должное. Оно естественно. Психологическая интерпретация таких понятий как «возмездие» или «судьба» позволяют ученому представить их в качестве факта – психологического факта, установленного путем наблюдения явлений социальной жизни, а значит доступного последующей научной обработке.

Понятие возмездия, полученное путем психологического толкования наказания предполагает дифференциацию населения, различающегося по степени психологического (нравственного, интеллектуального) развития. Исходя из этого Тимашев выделял три группы населения: 1. этически развитое и материально обеспеченное меньшинство, без угрозы наказания принимающее интересы других; 2. население, удерживаемое от преступления страхом наказания; 3. большинство граждан, порицающих преступления с точки зрения нравственности, приличий и положительного права, но из-за условий существования нуждающихся в задерживающих представлениях²². Возмездие следует дополнить принципом индивидуализации наказания, предполагающем изменение наказания в зависимости от особенностей индивида. Отсюда Тимашев выводил деление преступников на классы, придерживаясь предложенного Liszt'ом в 1882 г. различения преступников на случайных и хронических²³.

Итогом этих рассуждений Тимашева было признание им большей практической эффективности условного осуждения как уголовно-политической ценности. «В результате мы можем сказать, что критерием

уголовно-политической ценности какого-либо института является способность его в каждом конкретном случае придать карательному акту государства наибольшую энергию в деле охраны правопорядка с принятием во внимание преимущественно той из обеих функций наказания (общего и специального предупреждения), осуществление которой в данном случае практически важнее», – заключал ученый²⁴.

Проецируя эти взгляды на процесс развития правосознания в России, Тимашев констатировал взаимосвязь становления права и культуры, понимаемой им как продукт осознанной деятельности наиболее образованной части общества. Введение условного осуждения в России, по его мнению, означало бы признание за обществом, а не только за государством, правосозидающей силы и способствовало бы дальнейшему совершенствованию правосознания. «Условное осуждение, – писал он, – есть важный шаг на пути к разрешению несомненно существующего в настоящее время противоречия между положительным правом и правосознанием культурных элементов населения, требующим, чтобы причиняемое государством в виде наказания зло оправдывалось общественным интересом. Такой разлад между правосознанием и положительным правом не есть нечто особенное, чрезвычайное: право, как элемент культуры, как явление общественное, всегда и неизбежно отстает в своем развитии от правосознания, вырабатываемого отдельными индивидуумами, так как общество естественно менее подвижно, нежели единицы, его составляющие»²⁵.

Исследованию российского правосознания, психологических аспектов права посвящена брошюра Тимашева «Преступное возбуждение масс по действующему русскому праву», примыкающая к его работе над докторской диссертацией. Психологизм подхода ученого сказывался прежде всего в постановке самой проблемы, в понятии «возбуждения», вынесенного в заглавие статьи. Понятие преступного возбуждения раскрывалось на основе истолкования действовавшего в те годы законодательства Российской империи. «Вот это-то понятие возбуждения, – пояснял правовед, – т.е. такого воздействия на психику других лиц, которое, не являясь подстрекательством, представляет объективную опасность оказать определенного рода мотивирующее влияние на их поведение в признаваемом со стороны государства особенно вредном смысле, и лежит, по нашему мнению, в основании постановлений ст. 129 – 132 улож. угол. и целого ряда аналогичных постановлений западно-

европейских законодательств...»²⁶ Материал российского уголовного уложения позволял уточнить предмет изучения. Им, исходя из психологической установки, был «объективно-возбуждающий характер тех действий, которыми передается мысль в сознание другого лица»²⁷. Однако на этом психологическом фоне объект самого преступного возбуждения размывался. В конце своего исследования Тимашев признавался, что «преступное возбуждение, за исключением случаев возбуждения к неповиновению закону и отчасти к нарушению воинскими чинами обязанностей службы, есть преступное деяние безобъектное, вернее, лишенное специального объекта»²⁸. Трудность исследования усиливалась также тем, что соответствующим статьям законодательства необходимо было дать такое толкование, которое позволило бы согласовать государственный интерес в пресечении вредной мотивирующей деятельности с государственным же интересом свободы слова и печати.

Тем не менее эти обстоятельства не помешали Тимашеву провести исчерпывающий анализ российского уголовного уложения в части, касающейся преступного возбуждения. Российское законодательство, по его словам, «криминализирует непосредственно определенные виды деятельности и условием наказуемости считает возбуждающий характер ее»²⁹. Расшифровка «преступного возбуждения» дается через указание его признаков. «Преступное возбуждение... — полагал ученый, — имеет в числе необходимых признаков объективную опасность мотивирующего воздействия. Объективная опасность может заключаться или в способе воздействия, или в круге лиц, к которым оно обращено. Воздействие опасно по способу в том случае, если по его характеру пределы его влияния не подлежат регулированию со стороны воздействующего. Оно опасно по кругу лиц, если оно обращено к индивидам, не могущим противопоставить прививаемым мотивам достаточного количества задерживающих представлений»³⁰. К опасным способам, согласно ст. 129 уголовного уложения, относятся: публичное произнесение речи или чтение сочинения, публичное выставление сочинения или изображения и распространение сочинения или изображения. Основываясь на соответствующих статьях уголовного уложения Тимашев дал юридическое определение «речи», «прочтения», «изображения».

Объектом преступной пропаганды, вызывающей преступное возбуждение, признавались: 1. войско (точнее, нижние чины действующей армии); 2. рабочие (фабричные и сельские); 3. сельское насе-

ление; 4. лица, не способные сопротивляться воздействию и возбуждению которых представляет опасность для государственного спокойствия³¹. В качестве общих признаков можно отметить групповой характер объектов возбуждения, невозможность надлежащего отпора и опасность для государственного спокойствия.

Для наказуемости, согласно интерпретации Тимашева, возбуждение должно подпадать под одну из определенных законом рубрик: 1. учинение бунтовщического или изменнического деяния; 2. ниспровержение существующего в государстве общественного строя; 3. неповиновение закону, обязательному постановлению или законному распоряжению; 4. учинение тяжкого преступления; 5. нарушение воинскими чинами обязанностей службы³². Преступное возбуждение направлено прежде всего против существующего в государстве общественного строя, а именно институтов, признаваемых законом основами общественной жизни: религии, семьи и собственности. «Возбуждать к ниспровержению общественного строя, по нашему мнению, значит призывать к активным, недопущенным законом действиям, направленным непосредственно на изменение основ социальной жизни», — пояснял Тимашев³³.

Основываясь на германской юридической литературе русский правовед предлагал свой вариант интерпретации основания наказуемости преступного возбуждения, которое понималось им как «возбуждение к принципиальному неповиновению закону, к неповиновению не потому, что само по себе нежелательно воздержание от воспрещенного деяния, а именно потому, что желателен факт неповиновения, к показанию на деле, посредством учинения недопущенного деяния, своего непризнания обязательной силы закона и авторитета стоящей за ним власти, к неповиновению закону, как абстрактной норме, а не как запрету совершать данное конкретное действие»³⁴. В связи с этим возникал закономерный вопрос: «является ли преступное возбуждение деликтом материальным или формальным»³⁵, т.е. наказывается ли преступная деятельность как таковая, или же только при наступлении определенных последствий. Юридическая практика показывает, что преступное возбуждение рассматривается по типу формальных деликтов, т.е. является наказуемым независимо от последствий. Тимашев не соглашался с таким положением дел. Согласно его точки зрения наказанию подлежит последствие преступного возбуждения, понимаемое в качестве психологического факта, т.е. как изменение содержания со-

знания. «Последствием, обуславливающим наказуемость изучаемых нами деяний, — писал ученый, — может быть признано только проникновение мотивирующей мысли в сознание других индивидов. При этом проникнуть в чужое сознание должна мысль, как таковая, а не те звуки или начертания, в которых она нашла себе выражение»³⁶. Иными словами, преступное деяние, «со стороны внутренней», как писал Тимашев, должно быть умышленным. Что касается волевой стороны преступного возбуждения, приводящего к изменению чужого сознания и в качестве следствия — к совершению другим человеком преступного деяния, то наказанию подлежит как активная воля, состоящая в действии произнесения, чтения, выставления или распространения сочинения или изображения возбуждающего характера, так и воля пассивная или преступное безразличие.

Итак, преступным признавалось возбуждение представляющее опасность для государства, а именно, изменение психики или настроения граждан, влекущее к осознанному совершению недозволенных законом действий. «Несомненно, — уточнял Тимашев, — что опасность для государственного спокойствия представляет не учинение отдельного недозволенного деяния (при этом не являющегося тяжким преступлением), а такое настроение граждан, когда утрачивается сознание недопустимости учинения недозволенных деяний, или, более того, возникает стремление к учинению недозволенных действий именно потому, что они недозволены»³⁷. Речь идет об осознанном неповиновении закону или нарушении юридической обязанности, основанной на законе. Возбуждение к неповиновению закону отрицает самостоятельное правовое благо, выраженное в законе, не признает авторитет закона и отвергает правомерное поведение граждан.

В итоге рассмотрения соответствующих статей уголовного уложения Тимашев внес несколько предложений по их дополнению и изменению. Так, согласно его подходу, успешное возбуждение следует присоединить к подстрекательству, а наказание в случае безуспешного возбуждения понизить. Волю к неповиновению закону стоит выделить в отдельную статью³⁸.

Разбирая статьи уголовного уложения, Тимашев столкнулся с необходимостью юридического определения публичности. Публичным может быть как действие (произнесение речи или прочтение сочинения) при условии восприятия его «неизвестно какими и неизвестно в каком числе лицами»³⁹, так и место: «Публичным назы-

ваются место, доступное для неопределенных индивидуально лиц, хотя бы только за плату (напр., театр)»⁴⁰.

В своей следующей по времени работе «Религиозные преступления по действующему русскому праву» Тимашев вновь обратился к определению публичности: «... публичным является действие, совершенное при таких условиях, что оно может быть воспринято неизвестно какими и неизвестно в каком числе лицами»⁴¹. Русский ученый предпринял критический анализ действующего законодательства в области религиозных преступлений и указал на несоответствие российских законов с понятием о веротерпимости.

Сложность такого исследования состояла в том, что юридическая оценка и интерпретация религиозных преступлений строятся на стыке между «публичным правовым благом» и «индивидуальной религиозной свободой». Поэтому необходимо учитывать как индивидуально-психологическую составляющую религиозных преступлений, так и значение религии в качестве культурной силы. В действующих юридических актах, как отмечал Тимашев, религия понимается «как важнейшая культурная сила, как источник необходимых для поддержания государства добродетелей»⁴². Однако действующее право имеет недостатки: значение религии как культурной силы относится преимущественно к православию, а объектом большей части религиозных преступлений рассматривается существующий религиозный строй. Тимашев писал: «Основным началом нашего религиозного строя является принцип государственного покровительства религии»⁴³. Привилегированное положение имеет православная церковь. Такую ситуацию ученый охарактеризовал как «конфессионализацию общего принципа покровительства религии»⁴⁴. В законодательстве также фигурируют другие религии: инославные христианские вероисповедания, признанные нехристианские вероисповедания, нетерпимые вероисповедания, к которым до указа 17 апреля 1905 г. относились старообрядцы и сектанты.

Исходя из существующего религиозного строя, в законодательстве дается классификация религиозных преступлений: «1) посягательства на религию как на покровительствуемую государством культурную силу; 2) посягательства на неприкосновенность высших с точки зрения государства религий со стороны низших и 3) посягательства на свободу отправления веры»⁴⁵. Обобщенно говоря, все религиозные преступления представляют собой посягательство на благо, которым в интерпретации закона является государ-

ственный интерес. Под благом понимается ценное для государства состояние сознания граждан или религиозное настроение. «Раз религиозное настроение граждан считается весьма ценным для государства благом, то проявление этого настроения в форме индивидуального или общественного культа естественно признается заслуживающим всемерного поощрения со стороны государства», – рассуждал Тимашев⁴⁶.

Стоит отметить сложность определения основания наказуемости религиозных преступлений. Им может быть присвоение власти, соблазн верующих, или, в широком смысле, нарушение интересов религии, охраняемой государством. Из зафиксированных в праве религиозных преступлений русский ученый подробно разбирал богохуление и его виды: поношение, непристойная насмешка, поругание действием. При этом, рассматривая религиозные преступления, необходимо отслеживать причинно-следственную связь, например, между совращением и побуждением перейти в другую религию и самим отпадением.

Психологическая сторона религиозных преступлений отражена в понятии «умысла». «Умысел виновного, – писал Тимашев, – должен прежде всего заключаться в сознании виновного, что употребляемые им слова или выражение или исполняемое им изображение или совершаемое им действие заключает в себе оскорбление религии или верований»⁴⁷. Иными словами, умышленное деяние, т.е. его осознанность является условием религиозного преступления. Субъектом правовой оценки может быть только вменяемое лицо. К религиозным преступлениям относится и «воздействие на психику», имеющее определенные последствия, а не только насильственное принуждение (например, переход в другую конфессию, низшую с точки зрения российского законодательства).

Действующие юридические акты в области религиозных преступлений, подводил итог своему анализу Тимашев, признают в качестве правоохраняемого блага сложившийся религиозный строй. Ученый предложил внести в российское законодательство ряд изменений, в том числе, сделать уголовно-правовую охрану религии паритетной, независимой от конфессиональной принадлежности лица; модифицировать и развить положения, предусматривающие нарушение индивидуальной религиозной свободы; снизить наказания в целом⁴⁸.

Итак, в юридических работах Тимашева 1910-х годов проявля-

ется ряд основополагающих для его более поздних социологических исследований представлений. Это прежде всего приоритет психологического понимания права, воспринятый Тимашевым у Л.И.Петражицкого, и рассмотрение права, процесса развития правосознания как отражения культуры. По замечанию Шойре: «Социальные системы у Тимашева не просто сводятся к правовым системам: правовая система является мерой, указателем и главным «отражателем» социальной системы и ее изменений. Общества также различны, как и их правовые системы. Изменения в обществе обнаруживаются по изменениям в правовой системе»⁴⁹. Отмеченная Шойре особенность правового подхода к социологии у Тимашева и социологического подхода к праву имеет в русской философско-правовой мысли давнюю традицию, восходящую, по крайней мере, к С.Е.Десницкому. Социология права, согласно Тимашеву, рассматривает взаимоотношения общества (культуры) и права и сводит реальность последнего к психологии социальной группы, а его источник видит в нормах поведения, сложившихся в определенном обществе.

Примечания

¹ *Timasheff N.S.* An Introduction to the Sociology of Law. Camb., 1939.

² Шойре И. Социология Н. С. Тимашева // Новый журнал. Нью-Йорк, 1964. Кн. 75. С. 270 – 271.

³ *Тимашев Н. С.* Условное осуждение. Петроград, 1915. С. 235.

⁴ Там же. С. 540.

⁵ Там же. С. 8 – 9.

⁶ Там же. С. 236.

⁷ Там же. С. 13.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 14.

¹⁰ Там же. С. 3.

¹¹ Там же. С. 5.

¹² Там же. С. 11.

¹³ Там же. С. 8.

¹⁴ Там же. С. 387.

¹⁵ Там же. С. 295.

¹⁶ Там же. С. 298.

¹⁷ Там же. С. 300 – 301.

¹⁸ Там же. С. 301.

¹⁹ Там же. С. 303.

²⁰ Там же. С. 303 – 304.

- ²¹ Там же. С. 304.
- ²² Там же. С. 305.
- ²³ Там же. С. 307 - 309.
- ²⁴ Там же. С. 314.
- ²⁵ Там же. С. 391.
- ²⁶ *Тимашев Н. С.* Преступное возбуждение масс по действующему русскому праву. Пгр., 1915.
- ²⁷ Там же. С. 18.
- ²⁸ Там же. С. 61.
- ²⁹ Там же. С. 6.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 10.
- ³² Там же. С. 21.
- ³³ Там же. С. 24.
- ³⁴ Там же. С. 36.
- ³⁵ Там же. С. 42.
- ³⁶ Там же. С. 45.
- ³⁷ Там же. С. 36 - 37.
- ³⁸ Там же. С. 62 - 64.
- ³⁹ Там же. С. 12.
- ⁴⁰ Там же. С. 13.
- ⁴¹ *Тимашев Н. С.* Религиозные преступления по действующему русскому праву. Пгр., 1916. С. 34.
- ⁴² Там же. С. 13.
- ⁴³ Там же. С. 15.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С. 16.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же. С. 42.
- ⁴⁸ Там же. С. 103 - 104.
- ⁴⁹ *Шойре И.* Социология Н.С. Тимашева. С. 277 - 278.